Алла БОЛЬШАКОВА

Литература против идеологического вакуума

Размышления о книге Михаила Голубкова «Зачем нужна русская литература?»

Не раз уже мною поднимался вопрос о необходимости нынешнего литературоведения обратиться к современности и сотрудничать с критикой, помогая ей своим умением не идти на поводу сиюминутных настроений или цеховых пристрастий, но соблюдать объективность, пользуясь выверенным инструментарием для литературного анализа. В качестве отрадного исключения из расхожей установки, будто современная проза и поэзия – предмет литературной критики, и в том непреодолимое отличие последней от науки о литературе, мною упоминалась кафедра истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, соединившая век нынешний и век минувший по инициативе заведующего, литературоведа, критика и писателя Михаила Голубкова. Именно о нем, уже немало создавшем на этой стезе, и пойдет речь.

На счету у этого талантливого автора и организатора научно-образовательного процесса – уникальный учебник по русской критике, ряд книг о классиках XX века, начиная с Горького, Набокова, Солженицына и завершая современными прозаиками. Только что вышедшая в издательстве «Прометей» новая книга Голубкова с подзаголовком «Из записок университетского словесника» имеет полемично-завораживающее название: «Зачем нужна русская литература?». Сам автор так поясняет жанровую форму этой книги, дающую основания для живого и вольного выбора тем, затрагиваемых проблем и собственно стиля их подачи: «Частные записки, дневник, хроники литературной жизни, ведущиеся не участником, но внимательным наблюдателем литературного процесса, – вот как можно было бы определить жанровую природу этой книги».

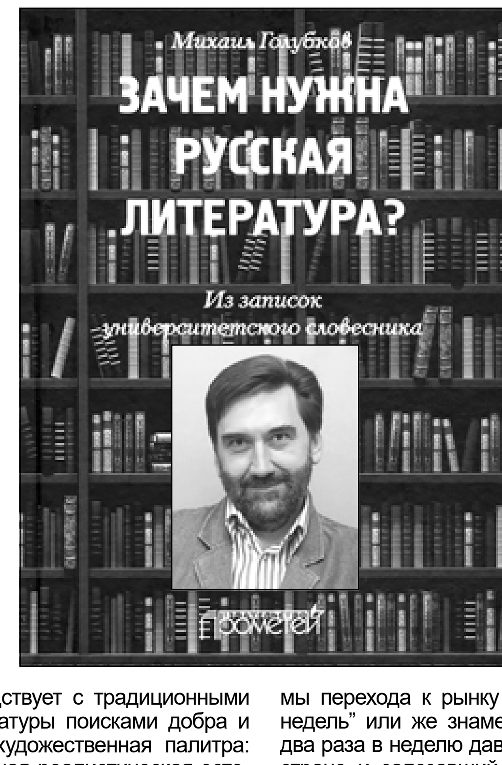
Вынесенный в заглавие вопрос воспринимается как приглашение читателя к серьезному разговору о сути и смысле современного литературного процесса и тех изменений, которые произошли с ним в результате цивилизационного слома. Литературный процесс всего XX века с продолжением в нынешнем столетии рассматривается как единое, хотя и противоречивое целое – и в этом особая актуальность новой книги. На каких же идейно-художественных «скрепах» держится это единство?

Начинается разговор размышлениями о тех задачах, которые принято считать сверхлитературными, однако именно литературной культурой поставленными: о возрождении памяти как основы национальной идеи; о понимании сути русской цивилизации и ее ценностных ориентаций. Постепенно вырисовывается абрис читателя, к которому обращается автор: это прежде всего человек молодого поколения, оказавшегося на распутье в сложном мире, все более поглощаемом коммерцией и коммерсантами. Отсюда и роль литературы, представленной в книге рядом известных писателей XX-XXI вв., по возвращению утраченных ценностей исторического прошлого. Отсюда и построение книги по хронологической приближающей: от узловых вопросов переломных 1920-30-х (Горький, Маяковский, Блок, Булгаков) к середине и концу века (Симонов, Гроссман, Бондарев, Солженицын) и, наконец, к самой жгучей современности (Поляков). В центре образа литературного столетия, создающемся в развернутом ответе на заглавный вопрос, – три концепта, организующих пространство истории XX в.: Революция – Война – Религия.

Есть у автора этой книги несколько сверхзадач, особенно актуальных в наше непростое время. Во-первых, это вопрос о системе образования, все более смахивающей ныне на образованщину, все более погружающей ученика, студента в духовную пустоту. Вывод у автора един: «Если мы хотим что-то противопоставить культурному и идеологическому вакууму современности, мы должны вспомнить о единственном и уникальном в своем роде носителе социально-исторической и культурной информации – о художественной литературе. Ее уникальность состоит в личном и даже интимном обращении к каждому, кто берет в руки книгу, в возможности, открытой для каждого, ощутить себя современником Петра Первого, Кутузова, Пугачева и почувствовать, как ощущали себя в те времена Гринев, князь Андрей, Александр Меньшиков. Только для того, чтобы это произошло, нужно воспитать читателей, способных к железным размышлениям. Только тогда русская литература сможет оправдать перед современным и будущим поколениями факт своего исторического существования».

Второй вопрос, неизменно актуальный в разных работах автора, – это ситуация с литературной критикой и ее задачах по ориентации читателя в книжном море. И тут Голубков не ограничивается рамками книжного формата, выходя на прямой разговор с критиками в газетном пространстве. Недавний резкий отклик его на эпатажную книжку «Проклятые критики», также вышедшую в издательстве «Прометей», содержит и наставление неопытным, но бойким работникам пера. Как отмечает автор истории критики XX в., «представления о задачах литературной критики резко деформировались сегодня. Критиковать – значит нещадно ругать. И назидательно поучать, как надо и как не надо писать. Высмеивать. А то и составлять разоблачительный памфлет. Иногда… писать запоздалый на полвека политический донос в органы». Сурово, но…

Один из ключевых вопросов новой книги Голубкова: что такое современная литература? Ответ дается развернутый, с обобщающими характеристиками и конкретными образцами: «Современный литературный пейзаж представляет собой… бескрайнюю равнину, простирающуюся до самого горизонта, усеянную разнообразными литературными цветами – далеко не только цветами зла, как виделось адептам или же, наоборот, оппонентам русского постмодернизма, – дает свой диагноз автор. – Напротив, разнообразие красок невероятное, устремленность к безднам зла соседствует с традиционными для русской литературы поисками добра и красоты. Широка художественная палитра: здесь и традиционная реалистическая эстетика с поэтикой жизнеподобия, и многообразные опыты модернизма, практикующие формы условной образности, сдвиг, кривизну. Но поражает в этой картине одна ее особенность: почти полное отсутствие взаимосвязи между ее компонентами. Множественные литературные явления не складываются в систему».



Необычностью движения нынешней литературы, очевидно, обусловлены и весьма неожиданные сочетания имен в книге Голубкова, которые сам он характеризует как «странные сближенья», уточняя: «Трудно представить более противоположные творческие индивидуальности, чем Солженицын и Поляков. И как всегда, между писателями оппозиционными друг другу как в эстетическом, так и в идеологическом планах, между ними есть и очевидная общность». Позволю себе сохранить интригу, не отвечая на закономерный вопрос, в чем именно заключается эта общность. Однако интригует и само по себе выделение из сонма нынешних писателей именно Юрия Полякова: известного прозаика и драматурга, вечно вызывающего споры вокруг своего творчества и собственной личности – от восторженного приятия до гневного отторжения. Но, наверное, так и должно быть в нашем непростом мире, исполненном самыми разными мнениями, позициями, стратами. Недаром Голубков вновь и вновь обращается к столь полемичной фигуре, уже посвятив ему весьма необычную книгу по итогам работы своего кафедрального семинара: «Юрий Поляков: поэт, текст, интертекст и другие приключения текста: ученые (и не очень) записки одного семинара» (М.: АСТ, 2020), сейчас вошедшую в шорт-лист Абрамовской премии по номинации «Литературная критика». Интересно, что эта содержательная книга объединяет не только литературно-критические размышления собственно автора, но и мнения других участников кафедрального семинара по современной литературе, по отношению к текстам которых Голубков, его многолетний руководитель, выступает составителем.

Отрадно и применение в обеих книгах Голубкова новейшей методологии современного литературоведения и критики, увы, во многом исчезнувшей из обихода иных нынешних критиков, пишущих не аналитические работы, но забавные и несерьезные карикатуры, очернительные пасквили и прочие тексты, выдающие махровый непрофессионализм и оголтелую разнузданность пера взамен выверенного анализа текста с опорой на лучшие достижения отечественной и мировой мысли.

Анализируя в новой книге стиль и направленность творческого движения Полякова на протяжении десятилетий, Голубков делает вывод, что, несмотря на бытующие мнения, этот писатель «никогда не оказывается лишь сатириком, хотя сатира его остра, а образы, на которые направлен его смех, всегда узнаваемы. За внешним сатирическим планом всегда скрывается нечто большее: в конце концов, пройдет еще несколько лет, и мало кто из читателей сможет узнать, кто такой автор программы перехода к рынку “Девять с половиной недель” или же знаменитый психотерапевт, два раза в неделю дававший установки всей стране и залезавший с экрана телевизора своим целительным взглядом в самое народное нутро…

Но помимо конкретно-исторического аспекта проблематики в этих произведениях есть еще и общечеловеческий, значимый на все времена. Он формируется двумя темами, проходящими в том или ином осмыслении через все творчество Полякова: это тема любви и тема творчества». Мне как автору книги «Феноменология литературного письма: о прозе Юрия Полякова» близок пафос этих строк!

«Терпеливый читатель, добравшись до конца книги, понял, конечно же, что писалась она не в одночасье и отражает круг тех вопросов, которые интересовали ее автора на протяжении последних лет. Она включает в себя те мысли и те суждения, которые вызревали и отстаивались долго». Этим резюме, завершающим новую книгу о том, зачем теперь нужна русская литература, и мне хотелось бы закончить сии краткие размышления, которые, надеюсь, сориентируют любителей отечественной словесности в бурном книжном море…

Олег КУИМОВ

Вечная функция

О романе Андрея Новикова «Пряничный губернатор»

Содержание по преимуществу фантастическое и местами даже почти невероятное в наше просвещённое время.
М.Е. Салтыков-Щедрин

Литература в своём развитии ищет новые пути, навсегда оставляя в историческом шкафу устаревшие стилевые формы. Поразительно, но роман Андрея Новикова «Пряничный губернатор» подвергает данную закономерность сомнению. И дело не только в имитации писателем салтыковско-щедринского письма, что в наше время само по себе невероятно, поскольку создавать ткань текста под чарами платоновской словесной вязи или булгаковского мистицизма – дело известное. А вот вирус щедринщины современной литературой не диагностирован. При чтении же «Пряничного губернатора» возникает ощущение, будто обнаружилась где-нибудь на чердаке заброшенного дома дорогой сердцу кузины или какого иного родственника Михаила Евграфовича его неизвестная рукопись.

Да и как не подумать, если не то что стилистика, но даже и темы, и проблемы всё те же: мздоимство, казнокрадство, генеральская верёвка на ноге мужика-кормильца, дороги и нескончаемые на земле русской иванушки… не царевичи. Слышу, нетерпеливый читатель уже крикнул: «Эпигонство!». Ан нет! Такой мастерской стилизации, как в романе Новикова, и сам классик порадовался бы, а как нет, если не пропала, выходит, его литературная школа сказочной сатиры с уходом писателя, умному читателю благо несёт, делу исправления общества служит.

Много слов ввёл в обиход Михаил Евграфович, но и нынешние казнокрады не лыком шиты. Одно только выражение «распил денег» чего стоит и как отстранённо и благозвучно звучит. Услышь его упомянутый классик, как бы он, наверное, возмутился: «Как так?! Деньги портить?! Да у меня и в Глупове такая глупость немыслима!». Эх, Михаил Евграфович, не знал, не знал, до какого полёта фантазии изворотливый воровской ум дойти может. Да и другого не знал: Глупов-то, оказывается, никуда не делся вовсе, всё так же здравствует и процветает, только в двадцать первом веке по причине объявившейся любви к англицизмам переименован в Ньюглупов да градоначальник теперь у него новый – губернатор Петрович. О его трудовых подвигах на благо глуповцев, о нелёгких думах и трудностях на тяжёлом губернаторском поприще и записал летописец нашего времени Андрей Новиков.

Оно так и есть – документ времени. Хоть и сатирический, да документ. А может, документальная сатира. Но, как ни крути, суть от того не меняется – историческая правда. Должен знать обыватель, как нелёгок хлеб губернатора-пахаря. А то нет: начинал Петрович с самых низов! – с лесничего. Да настолько проинициативился, что выбрали его в председатели совхоза. И здесь не оплошал. Такой прогрессивный музей отгрохал, что не каждому дано осмыслить его смысловую многовекторность. Вот и приехавший из райцентра большой начальник ничего своим умишком понять не сумел. Но музей не тронул. Долго ещё побуждала кумекать местных да проезжих торчащая из земли, навроде тех, что на острове Пасха, каменная голова декабриста Пестеля. А уж разгадать замысел Петровича по прочим монументальным шедеврам только в «Клубе знатоков» могут, да и то только самые умные. Глубоко копнул!

Петрович и в губернаторском кресле глубоко копал. Одни только названия глав могут поведать о широте замыслов и охвате дел: «Губернатор и народные приметы», «Губернатор и коррупция», «Петрович и демократия», «О губернаторской жалости», «Петрович и Диоген», «Обычаи и традиции областного населения», «Губернатор и цензура», «Как Петрович языки мешал», «Губернатор и вечный двигатель", "Губернатор и общественная палата", "Губернатор и экономика», «Отцы и дети», «Как губернатор Библию написал», «Губернатор и клофелинщицы»…

Петрович и в самом деле личность масштаба необычайного. А как о народе печётся – любо-дорого. Чтобы народонаселение дров не наломало, не умея добром распорядиться, губернатор отеческую заботу о нём проявил: «…Собственность – большая ответственность, и надобно всякому бездомному инвалиду этот изъян права собственности хорошо понимать». Потому, а не из зловредности или каких иных побуждений, и квартиры очередникам не давал. А тем, которые доброты этой отеческой понять не могли, доступно объяснил суть глуповской демократии: «Пусть помнят, что губернатор может разорвать и уничтожить любые социальные отношения, существующие между властью и людьми».

Только выдающаяся личность способна на столь крутые меры. Разве не доказывает это приход Петровича в Госсовет в пурпурной тоге? А кто ещё может так же широко и свободно мыслить: «Взятка – самопроизвольное вознаграждение». Вдобавок, в то время как кто-то преследует журналистов или нанимает киллеров, Петрович действует куда решительнее и проще. Бац молотком по голове надоедливого журналюги! – и баста! Демократию в Ньюглупове без крутой закваски в характере да одними уговорами не удержишь!

А все жертвы и страдания – ради вверенного Петровичу областного населения. И чтобы ему было легче жить, губернатор разработал целую систему обычаев и традиций, по достоинству оценённую местными газетчиками: «Дарование Административного кодекса – центральное событие областной истории». И как не быть ему центральным, если теперь всякий глуповец просвещён, что «очаг – место обитания бога Газпрома и хозяина областного огня» и что «только мужчина с крепкой головой имет право жениться»?

В заботе о народонаселении от губернатора и глуповские депутаты отставать не желают, указы для всестороннего наполнения счастьем издают. «Взрыв ядерного заряда в черте города карается административным штрафом в тысячу рублей. Река Воронеж не имеет права подниматься выше уровня Петровского моста. Нельзя переходить улицу на руках. Всем жителям области гарантирован солнечный и лунный свет. Собакам запрещается спариваться на расстоянии двухсот метров от кафе, школ или мест отправления культа. Запрещено кататься на велосипеде в плавательном бассейне». Вот оно, великое озарение благоделания, не иначе!

Глупов ныне закрыт под стеклянным колпаком, чтобы глуповцы по округе от хорошей жизни не разбежались. Однако кое-кому удалось пробраться через подкопы за его пределы. Некоторых глуповцев по приметам можно обнаружить и в других краях. В N-ске судья такой свадебный пир на весь мир для дочери закатила, что на нём шампанская река из икорных берегов вышла да и утянула за собой саму-то судью. Другая её коллега на трассе подралась за законное право не уступать дорогу, а самый благородный из всех исключительно по одной только доброте душевной разбойника на волю отпустил. Сразу понятно: ньюглуповцы! Преданные ученики Петровича. Помните, как он говорил: «Судить людей надобно по-людски, по-простому, по понятиям»?

По-людски Петрович и подходил к делу управления Ньюглуповым. К примеру, анонимки не выбрасывал. «Надо европейцам показать, что у нас свободное слово, даже в форме анонимной жалобы». А как он демократию уважал! Выбрали депутаты специального человека, чтобы тот губернатору оппонировал, так Петрович завсегда, когда тот за машиной бежит, скорость сбавит, стекло опустит и по дороге внимательно и терпеливо слушает правду-матку от своего оппонента.

Какой русский не любит быстрой езды! Вот и летописец Новиков разогнался да и донёс нас в своём фантастическом полёте до гоголевского капитана Копейкина. А только тот вдруг обернулся у него прапорщиком Скамейкиным. «Стал придорожные бензоколнки грабить, в мотелях продукты воровать, в лесхозах пило- и стройматериалы тырить». Далее буйное авторское реминисцентное веселье донесло нас и до фермера Троекурова (отставного генерала ФСБ) и до репетитора его дочери Маши Дубровского. И куда бы ещё вынесло – неизвестно, по причине поимки Скамейкина и прилюдной его казни. «Другим прапорщикам в назидание».

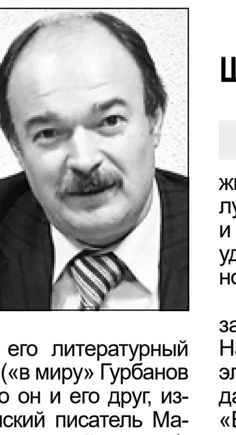
Некоторые главы летописи нельзя читать ночью, чтобы не разбудить смехом соседей, – слишком образно и представимо, как, например, в главе «Как губернатор атаманом стал»: «Зато Петрович генеральские погоны с царскими вензелями на костюм деловой от гордости пришил, а с седлом и вовсе не расставался, так промеж ног оно у него и висело, правда, без стремян».

А «Петрович и глобальное потепление!». Одно только название хлеба чего стоит – «Липовский»! А если ещё и главу «Как Петрович академиком стал» прочесть!.. Много, очень много таких весёлых глав!

Нынешний обычай по поводу любой фантастики писать, что, дескать, основано на реальных событиях, вконец расшатал к сим словам всякую веру, но только не в случае с летописью Новикова о Ньюглупове и губернаторе Петровиче. Вот здесь чистейшей воды одна правда. Она о надувательстве, псевдонаучной нанострадe и распиле средств («Петрович и нанотехнологии»); она о кумовстве – глава «Русский лес», в которой главный лесничий области – друг губернатора с говорящей фамилией Насосов, а главный прокурор – «слепой и глухой». Исключительно из доброты душевной «Петрович его специально из Дома инвалидов взял на иждивение. Дескать, сам у него поводырём буду, со мной не заблудится и не пропадёт». Потому и нет никакой управы на власть, кроме народной партизанской борьбы. Вот и Росприроднадзор не смог добиться, чтобы Петрович с чиновниками убрал дачи из природоохранной зоны, покуда не взорвали неизвестные ночью дамбу. «С тех пор Петрович о сельском отдыхе вспоминать не любит и другим не советует».

Непросвещённому европейцу летопись Андрея Новикова может показаться полным абсурдом и вымыслом, так на то он и Ньюглупов, а не Европа. Тогда бы другая история была. А завершается повествование открытым финалом, в котором непонятно, откопали ли заживо погребённого Петровича или же… «Неужто забыли на кладбище впопыхах? Может, нами теперь Лжепетрович правит?».

Однако пока там суд да дело, жизнь в Ньюглупове продолжается, потому что «истребить можно конкретного человека, но не вечную административную функцию. На место падшего героя тайных дел и советов неизбежно встаёт новый наушник, как мифическая птица Феникс из пепла».



Иван ЩЁЛОКОВ

Словом раздвигать границы

О лирике югорского поэта Княза Гочага

В 2014 году в силу обстоятельств я не смог полететь на вручение международной литературной премии «Югра» в Ханты-Мансийск. Спустя какое-то время мне позвонил незнакомец с кавказским акцентом. Сказал, что его литературный псевдоним Княз Гочаг («в миру» Гурбанов Княз Гочаг оглы) и что он и его друг, известный азербайджанский писатель Мамед Орудж (тоже лауреат этой премии), сожалеют, что не познакомились со мной в гостеприимном сибирском Приобье и что они рады будут перевести некоторые мои стихотворения и напечатать их в литературном журнале «Азербайджан».

Имя лауреата Оруджа до этого звонка мне уже встречалось: московский коллега-поэт прислал ссылку на одну из столичных газет, где рассказывалось о состоявшемся вручении премии «Югра». Мне тогда понравился комментарий азербайджанского писателя: «Я горжусь тем, что Азербайджан – одна из немногих стран на постсоветском пространстве, где интерес к современной русской литературе очень велик. Отношение к жизни, к окружающим людям, природе, которое я нашел в произведениях русских поэтов, мне были настолько близки и понятны, что у меня возникло желание поделиться радостью, счастьем, умиротворенностью от прочитанных произведений со своими соотечественниками».

А вот с Князем Гочагом творческое содружество началось с того самого звонка. Он выписывает журнал «Подъём», пропагандирует его среди читателей библиотеки города Пыть-Ях, где и проживает. На одну из моих книг – «Город на лучах зари. Стихи о Воронеже» – тепло и уважительно написал отзыв и, к моему удивлению, напечатал его в «Литературной газете».

В свою очередь я давно просил Князя Гочага прислать в журнал свои стихи. Наконец недавно он порадовал меня электронной копией своей книги. Издана она в Ижевске в книжной серии «Библиотека «Известия Удмуртской Республики». Творческим вдохновителем проекта является народный писатель Удмуртии Вячеслав Ар-Серги. В серии выходят книги не только местных авторов, но и писателей из других регионов. Сборник избранных стихотворений и рассказов Княза Гочага «Были в саду абрикосы…» носит, на мой взгляд, симптоматичное название. Писатель родился в солнечном Азербайджане, в селении Шахсеван. Поэтому в его стихах и рассказах часто встречаются абрикосы, гранат, другие южные фрукты. В семье воспитывалось двенадцать детей, Княз Гочаг – седьмой. В конце семидесятых годов прошлого века после службы в армии он устраивается рабочим в управление буровых работ в Нефтеюганском районе ханты-мансийского Приобья, затем переходит в геодезическую экспедицию, а впоследствии становится инженером в Управлении технологического транспорта. Без отрыва от производства заканчивает филфак Тюменского государственного университета. Увлекается журналистикой, пробует свои шаги в литературе. Вскоре его имя зазвучит в ставшем для него родным северном краю как вдумчивого поэта и литературоведа.

Сегодня Княз Гочаг – член Союзов писателей России и Азербайджана. Регулярно печатается в газетах «День литературы», «Литературной газете», «Литературной России», в книжном приложении «Независимой газеты», а также публиковался в журналах «Юность», «Молодая гвардия», «Литературная учеба», «Мир Севера», «Жизнь национальностей», альманахах «Академия поэзии», «Муза», «Истоки». Переводит стихи российских поэтов на азербайджанский язык. В Баку известен как поэт, глубоко приверженный мудрым и древним восточным традициям.

Княз Гочаг дружит со многими литераторами, ведет большую просветительскую и подвижническую деятельность. В предисловии к книге «Были в саду абрикосы…» Вячеслав Ар-Серги пишет, что Княз Гочаг «…щедро знакомит российских читателей с творчеством местных финно-угорских авторов». Среди них хант Еремей Айпин, «один из ведущих современных прозаиков Обь-Иртышья», книги которого хорошо известно в странах Европы, а также манси Андрей Тарханов, «чье поэтическое творчество давно перешагнуло за российские пределы…». Давняя дружба связывала Княза Гочага и с классиком многонациональной российской литературы, мансийским поэтом Юваном Шесталовым.

В поэтическом творчестве сибиряка с кавказскими корнями органично уживается любовь к своей исторической родине и бескрайним просторам Западной Сибири. Вот как Княз Гочаг сам говорит об этом: «Если человек умеет отдавать свое тепло и сам его принимать, то ему и на Севере не холодно. Я сейчас и не представляю себя без милого моему сердцу Приобья, хотя в мыслях за день успеваю сотни раз «слетать» в свой родной Шахсеван. И потому, наверное, именно связующее назначение поэзии мне близко и понятно не только в теории…».

Еще ярче, тоньше, проникновеннее свое душевное состояние Княз Гочаг передает в стихах (которые здесь даны в переводах Владимира Топорова, Александра Кердана и Сергея Сметанина):

…На родине больших стихов и стужи
Мне подавай родимое село!
Там в ветках светит ярко и знакомо
Гранат, на солнце греющий бока,
Ну а когда гощу я дома –
Мне подавай сибирские снега!

Автор сосуществует сразу в двух мирах этнокультуры, литературы, исторической памяти, обычаев, нравов, быта. Это обстоятельство делает его творчество более разнообразным, пространственным, наполняет строки особым содержательным смыслом и колоритом человека с горячим южным сердцем и просторной душой сибиряка. Поэт постоянно находится в состоянии сопоставления, соединения вновь обретенного и данного ему от рождения. Почти в каждом его стихотворении соседствуют, перекликаясь, образы Сибири, образы далекой исторической родины, память о родных и близких. И неслучайно однажды из-под его пера выпорхнули полные искренности и жизненной правоты строчки: «Свет Азербайджана породнил я с Обью…».

Север и юг, снега и солнце у поэта всюду. Когда пишет о мохнатых, спокойных таежных собаках («Таежные собаки греют снег, / Нас не облают, знают: людям трудно…»), тут же в авторском воображении возникают черты их кавказских сородичей: «Чабанские с щенков не новички / В охранном деле, в каждом видят вора…». Когда восхищается летним травостоем в Приобье, с грустью вздыхает:

О, будь сегодня жив
мой дорогой отец,
Чабан седой в Сибирь
приехал бы в июле…
На здешний сенокос
гляди, седой косец,
На травостой по грудь,
что долы распахнули…

Когда осмысливает свой богатый жизненный путь, сердцем обязательно возвращается в родной южный край, чтобы свериться, как на это смотрит мама:

Ни от кого на Север не бежал,
Судьба к нему сама собой припала…
Не обижайся, мой Азербайджан,
Но мать-Россия Родиной мне стала!
И мама седовласая моя
В родном селенье –
что ничуть ни странно! –
За хлеб, за соль, вскормившие меня,
За мой удел России благодарна.

Вдохновляясь незримой поддержкой близких в своем жизненном и духовном выборе, автор в традициях восточного почитания благодарно склоняет голову в поклоне перед самыми любимыми, самыми дорогими – теми, кто олицетворяет собой его жизнь и судьбу:

Сохраню перед миром
достоинство, честь,
Одолею беду и душевную слякоть,
Потому что в минуты
отчаянья есть
Три подола, в которые
можно поплакать.
Это мамин подол:
«Сына ты пожалей,
Залечи мои раны
любовью безмерной!».
Это Джаны подол луноликой моей,
И подол моей Музы –
подруги неверной…

Служение двум традициям, двум культурам, любовь к родным исконным корням и почтение к обретенной родине – таков удел многих русскоязычный авторов, кто сегодня проживает в постсоветской России, активно занимается литературным творчеством. Мотив двуединства органичен для них и естественен. Это еще одно, правда, пока малоисследованное, явление в современной российской литературе, которое характерно для отдельных регионов страны, где кучно проживают представители различных этносов, в том числе и выходцы из бывших советских республик, и формируют особенную творческую среду в нашей литературе. Лучше, тоньше их о таком духовном и культурном феномене единения никто не скажет и не напишет. Об этом нам надо сегодня помнить и извлекать обоюдную пользу. Княз Гочаг – один из них. Как никогда здесь будут уместны замечательные строки этого поэта, которые он посвятил своему знаменитому соплеменнику, писателю и кинодраматургу, сценаристу легендарного фильма «Белое солнце пустыни» Рустаму Ибрагимбекову:

Ты словом своим
раздвигаешь границы,
Связав воедино родины две…
С тобой москвичи –
все немного бакинцы,
С тобою бакинцы
чуть ближе к Москве.
А значит, сплочённей
народы и страны…
Политики разве сумели бы так!..

Трудно не согласиться с выводом поэта в наше неспокойное время.

Вита ПШЕНИЧНАЯ

Земля неизведанная и заповедная

О стихах Елены Севрюгиной

…так ли важно, веру обнаружив,
в невод неба падая с моста,
где твой бог – внутри или снаружи –
если всё на свете – красота…
Елена Севрюгина

Имя Елены Севрюгиной для читателя, да равно и для пишущего люда, наверняка, не ново, чего не скажу про себя, возможно, тем лишний раз подчеркнув своё литературное невежество. Но во мне и сейчас нет ни намека на неловкость, которая, если говорить о знакомстве с подборками некоторых авторов, просто не успевает появляться при мощнейшем «спотыке» – когда буквально «растягиваешься пластом» на чтении первых же строк, – только такое сравнение и приходит всякий раз в голову позже, когда уж «отдышишься». И, как по мне, такие прочтения сравнимы с причастием – настолько их действие очищает и обнажает, вызывая из заповедных глубин сердца ответное самое что ни на есть откровение, которое впору писать с заглавной буквы, ставя незримый знак равенства с Божественным (нет-нет, читатель, я ничуть не утрирую).

Не перестаю удивляться тому, как непостижимы Его пути к нашим душам именно через Слово – не только свое (которое идет изнутри), но и чужое. Как мастерски Он владеет нами, являя сокровенное миру, выплескивая его из души в строки, рождающиеся подчас то в бреду, то в беспамятстве, то ярко высвечивающиеся в сознании среди пустот гулкого, тягучего морока, который будто нарочно выстуживает душу перед тем, чтоб однажды настоявшись, вдруг зазвенел на высокой ноте, обретя четкие очертания стиха, голос – Его голос: *«назови его вдохновением, может быть…»*.

Да, на языке всякого человека творящего, это есть оно самое – вдохновение. Причем, я уверена, что талантливый поэт рождает/формирует/пробуждает даже в самом логически выстроенном человеке душу, тем самым выполняя своё главное назначение, о котором писал еще Александр Сергеевич – «глаголом жечь сердца людей», потому что *«если стих настоящий – / картина всегда оживает / если стоящий он – / это жажда и боль ножевая…»*. И истинное творчество всегда диалог душ Автора и Читателя, слияние их опытов жизни и чувств через узнавание в чужих строках себя и своего.

Без этого говорить о поэзии – пустое.

* * *

Нередко (по крайней мере, у меня – так) перечитаешь уйму стихов, накидаешь в «запасник» понравившиеся подборки, в надежде, что вот эта (а позже – та, другая…) уж точно «всколошматит» тебя и что-то в ответ напишется этакое. Но проходит неделя-вторая, месяц, «запас» прирастает новыми именами и стихами… А Чуда не происходит. И молчится так уютно, *«…и не знаешь, откуда грядёт – изнутри, извне…»*. Но в один момент приходит ясное понимание: вот оно, рядом, скоро рванёт, хлынет, как половодье весеннее, стоит только начать читать те самые строки того самого автора. Потому как душа, притихнув и натянувшись подобно тетиве лука, остается глуха к сублиматам, как бы ни были они в своей мысле-рифмо-ритмической архитектуре доведены автором почти до совершенства. Почти… И наоборот, она быстрее обомрёт от простого, но искреннего слова, доверчиво распахнувшись перед его беззащитностью и детскостью. Вот тогда и начинается самое колдовство, которое Елена Севрюгина мастерски описала: *«…в этот миг оживают горы, и «горе с плеч», / и становится богом мистический твой двойник – / он даёт тебе звук и голос, слова и речь, / наполняет водой иссякающий твой родник…»*.

А дальше я уж читала стихи Елены, то и дело оборачиваясь на себя и поражаясь – откуда она могла знать столько (причастись, читатель – прочти, чтобы понять, сколько в них – и о тебе и про тебя тоже):

«…жжёт внутри, как времени прореха, / тот, кого обратно не верну…»;

«…город мой, в котором мы утонем, / расцветает мифом на ладони, / тянется наверх до ноты ля…»;

«…бредёшь себе один – маршрут давно известен / – мистический ловец метафор городских…»;

«…приказываешь петь / домам о самом разном, / угадываешь ритм / по голосу дождя…»…

Откуда? Ответ очевиден: все люди живут вроде и на одной волне, но на разных частотах. Но человек творческий настроен более совершенно, потому и диапазон воздействия и проникновения в души выходящих из-под его руки – музыки ли, стихов – в разы шире и метче. Потому что творчество – это всегда еще и попытка, к примеру – *«…понять, какая тишина томится за пределами окна…»*. И порой остаётся лишь воскликнуть, придя в себя: «Господи, сколько родного, сколько не высказанного мной, но живого и воспаленного бродит ещё внутри, словно взаперти!..». Но вот же, вырвалось наружу мгновенно, с первых строк, и ты уж готов с благодарностью обнять пока незнакомого автора, который в этой дивной истории стал незримым капельмейстером:

«…вот палочкой взмахнёт / незримый капельмейстер – / и стаи стройных рифм / вспорхнут с твоей руки».

И все недавние твои мучительные мыследвижения вдруг, через чужие строки, обретают под собой твердую почву, рождая своё легко и естественно – *«…просто подспудно ведай, / просто невольно радуй / ливнем случайных радуг, / тех, что в тебе поют…»*.

* * *

Как бережно, немногословно, но точно пишет Елена о русском слове (простите мне эту вынужденную тавтологию), потерявшемся в иностранных, бесцеремонно смешанных с ним новоязах – как в вычурных, обрезанных «под моду» одеждах: «…слово вылетело в пространство, / стало общим и без родства…», тогда как «…оно появилось, чтобы / ты согрелся его теплом». Вот вам еще одна – ранящая и высокая простота поэтического дара – нести Слово, чтобы им согреть! И кто как не поэт знает великую его силу – защищающую, поднимающую, целительную:

…мелодия у них
обычная, простая,
но слушаешь её
и веришь – все не зря.
смотри, морская соль
в ладонях прорастает
серебряной смолой,
строкой из янтаря…

…слова в тетрадь
летели вразнобой
с небес лилась
симфония другая
и кто-то оставался
за тобой
свечу гася
и снова зажигая…

Вот так – *«свечу гася и снова зажигая»*, идёт по свету поэт *«…зыбким космосом ведом…»*, по наитью, но в полном согласии, в полной гармонии с внутренним голосом. Голосом, от которого, как от Родины, невозможно отказаться, и не расслышать который тоже невозможно. А если не расслышишь – по трусости или от лени, – то и жизни, Богом задуманной, не случится, впрочем, как и мира – вокруг.

Я почему-то уверена, что за истинным словом всегда стоит Вера (пусть даже иногда остающаяся для нас неочевидной), а значит, Бог (который всегда ближе, чем мы думаем); и стихи – больше всё же не поэта, а Его дети, зачатые и рожденные в непостижимой, мощной лаве человеческих чувств.

* * *

Никогда не понимала тех, кто говорит о поэтах снисходительно, с пренебрежением, дескать, «тоже мне, труд, не смешите». Им бы хоть раз рискнуть – окунуться ненадолго в этот *«временный озноб»*, в адовый котел эмоций и мыслей – успеть их записать, не сойдя с ума, но умирая в каждой строчке, а потом продолжить жить, как ни в чем не бывало, но внутренне качественно другим человеком, у которого *«…твоя плоть – только это совсем не ты…»* … И так по кругу – до последнего, пока не истончится незримая душа поэта, только и умеющая дарить себя миру и открывать мир каждому, кто готов её слушать, чтоб расслышать себя, чтоб *«снова задышала – выдох/вдох – / разбуженного неба диафрагма…»*.

Всё-таки не удержусь, приведу полностью потрясший меня своей беспощадной правдивостью стих Елены Севрюгиной:

назови его вдохновением, может быть,
или просто ознобом временным назови,
этот сон невозможно вспомнить –
нельзя забыть,
это вроде любви, или лучше самой любви.
и не знаешь,
откуда грядёт – изнутри, извне,
от каких берегов течёт,
из каких корней?
закрываешь глаза – и тебя забирает снег,
открываешь – земля,
и как будто вода под ней.
ты стоишь на земле,
беззащитный, почти нагой,
то ли спишь, то ли грезишь,
а то ли чего-то ждёшь,
но потом понимаешь –
в тебе говорит другой,
тот, которого ждал,
как трава ожидает дождь.
в этот миг оживают горы, и «горе с плеч»,
и становится богом
мистический твой двойник –
он даёт тебе звук и голос, слова и речь,
наполняет водой
иссякающий твой родник,
а под утро,
когда под окном пятый раз подряд
прокричит петух,
надрываясь до хрипоты,
незнакомец вернётся в мир –
у него твой взгляд,
у него твоя плоть –
только это совсем не ты…

Какие полярные, противоречивые чувства после прочтения – от восторга до «не по себе»! И в каждой строке (стихе) – сам автор выступает добровольным сталкером и камертоном, верным слугой и рабом.

Потому что Слово – всегда будет оставаться землёй до конца неизведанной и заповедной, а его звучание – чистым.

Потому что Поэзия – это всегда послушание и служение. Слову.

г.Псков

На фоне фольклора и мистики

Татьяна ЗОЛОТОВА

О книге Анатолия Подольского «Не переступить черту»

Современная отечественная литература рубежа XX-XXI веков и первых десятилетий XXI века уже может рассматриваться как некое единство, отмеченное рядом общих особенностей. К числу их можно отнести отказ от обязательных в прошлом идеологичности и дидактичности, множественность направлений и течений, внимание к форме, медийность фигуры писателя и другое. Важно и то, что независимо от возраста, статуса, принадлежности к определенному направлению и художественной ориентации автора, она творится «здесь и сейчас», отвечая самым разнообразным запросам и вкусам читателей. Как современное общество представляет собой ряд страт (национальных, профессиональных, религиозных, половозрастных и т.п.), так и автор, в ряде случаев, выражает в концентрированном виде представления одной из них. И если раньше литература делилась исключительно на высокую и низкую, то сейчас появляется большое количество промежуточных форм (беллетристика, массовая, наивная, паралитература, сетература и др.). Напряжение между ними, по замечанию современных литературоведов, во многом способствует ее развитию. В контексте стратификационного характера современной литературы может рассматриваться и книга Анатолия Подольского «Не переступить черту». В ней представлены повесть под одноименным названием и несколько рассказов, в ряде случаев развивающих ее темы и мотивы, но иногда привносящих и существенно новые черты.

Значимой тенденций современной литературы было и остается изображение советского прошлого. Так, по замечанию известного критика и литературоведа Алексея Татаринова, одни авторы активно защищают «советский дискурс», другие, воссоздают его метафизический уровень, третьи – отрицают и преодолевают и т.п. Советское прошлое в ряде отношений типичного регионального (провинциального) центра России становится одной из основных тем повести Анатолия Подольского «Не переступить черту». Этому прошлому посвящена вся первая и часть второй главы повести. В интерпретации автора – это важный этап в формировании личности ее главного героя Алексея Горностаева и его друзей. Выпускной вечер в школе, учеба в техническом вузе, работа в качестве молодого специалиста в Сибири, участие в так называемом кооперативном движении, потеря любимой работы и обретение себя в новых областях, участие в выборах губернатора и, уже в зрелые годы, достижение относительно устойчивого положения уважаемого специалиста и профессионала – это путь многих людей, родившихся во второй половине XX века. Причем жизнь советского человека данного периода здесь действительно узнаваема как в бытовых мелочах, так и в некоторых душевных движениях и переживаниях героев. Я бы сказала, что книга Анатолия Подольского в этом плане – даже определенный источник сведений о советской повседневности. Но, в отличие от многих произведений современной литературы, автор не концентрирует внимания на постсоветских травмах и утрате идентичности героем и его ближайшим окружением. Герои Подольского, за небольшими исключениями (судьба Галанина), находят себя в новой реальности. Поисками себя и своего места в новой жизни заняты герои повести, по сути, в новой, уже другой стране, которой стала Россия. Этим аспектам отведена большая часть второй и полностью третья глава повести.

В этом контексте можно несколько уточнить и жанр данного произведения. Перед нами достаточно хорошо известная в мировой и отечественной литературе прошлого и снова популярная в современной литературе повесть о становлении/взрослении героя произведения. Алексей Горностаев проходит своего рода инициацию, выделяясь на общем фоне известной рефлексией, романтическими переживаниями, стремлением к литературе и искусству.

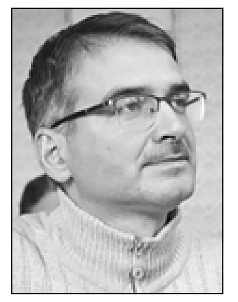
Как черту современной литературы, можно обозначить в романе и подробное описание различного рода производственных процессов. Массовая литература сегодня с удовольствием берет на себя функцию, утраченную в высокой (по существу экспериментальной) литературе, сообщая читателю сведения из разных областей науки и искусства. Особенно много таких зарисовок предлагает автор из жизни советской Сибири, одновременно, как мне кажется, это и один из самых удачных повествовательных фрагментов книги, не лишенный и некоторой поэтичности в восприятии мощной природы и социального оптимизма людей периода освоения этого региона.

Как своего рода продолжение повести, но представленное в виде отдельных сюжетных зарисовок автора можно рассматривать его рассказы. В некоторых из них мы встречаемся с героями, близкими Алексею Горностаеву. Среди них – Артем, остро переживающий счастье взаимности и горечь утраты («Она приходит один раз»). Николай Николаевич – успешный бизнесмен, затем высокопоставленный чиновник, но сознательно оставивший и ту, и другую сферы ради преподавания в вузе («Мужские слезы»). Появляются и новые персонажи: Опрошка Затворница («Вологодский приворот»), Василий («Васька Матаня»), Фёкла («Не тобой положено, не тебе и брать»). А вместе с ними и яркие описания народного быта, народных праздников и народной морали. Хотелось бы особо выделить этнографически точное описание свадебного обряда («Вологодский приворот»), появление по сути фольклорных персонажей Опросиньи («Вологодский приворот») и Старушки с «замысловатой тростью» («Твой день, Владимир»), современного юродивого Васьки Матани («Васька Матаня»). Таким образом, события сегодняшнего дня измеряются Анатолием Подольским складывающимися веками традиционными представлениями. В этом плане особенно показателен рассказ «Не тобой положено, не тебе и брать». Его герой, Виктор Васильевич, отказывается от возможности стать обладателем огромного состояния («килограммы золота в старинных российских монетах»), испытывая при этом ощущение настоящей свободы.

На фоне фольклорной эстетики и элементов мистики становятся понятными некоторая сглаженность конфликтов и противоречий, а также нарочитая декларативность отдельных утверждений автора.

Думается, что в многообразии подходов и методов изображения действительности в современной литературе найдет свою нишу и своего читателя и новая книга Анатолия Подольского.

г. Йошкар-Ола



Артём ПОПОВ

Забыть нельзя

Самобытное творчество Владимира Потехина

Недавно критик Андрей Рудалёв задался вопросом перспектив творчества современных литераторов: «Гремит автор. Но вот, прошу прощения, кони двинет, что тогда? Кто станет его ходатаем, кому он интересен будет, если новинок уже ждать не придётся, а от локальной известности останутся одни тлеющие угли? Государство не занимается книгоиздательской политикой. Фанатики-энтузиасты, которые жизнь положат, чтобы раскрутить до статуса классика былую величину?».

Кажется невероятным, но фанатики-энтузиасты иногда идут путём куда более трудным: они открывают читателю уже ушедших в мир иной талантливых писателей, которые при жизни не стали известными.

В нашем случае речь о поэте и прозаике из Костромской области Владимире Потехине. В интернете о нём очень скудные сведения (хочется верить, что пока скудные). Владимир Потехин ушёл из жизни в 1990 году, ещё в другой стране, а в 2021 году вышли в свет сразу две книги: сборник стихотворений «Охохонюшки мои» и повестей «Скворцы на берёзах». Получилось это благодаря поддержке Фонда президентских грантов. Именно туда обратилась команда из трёх человек: вдохновитель проекта библиотекарь из села Кужбал Нейского района Костромской области Надежда Дудина и писатели Нина Веселова и её дочь Анастасия Астафьева. Все вместе они набирали рукописи, редактировали и готовили к печати. Труд этот колоссальный! Каждая из книг – более 300 страниц.

Пора уже рассказать об этом удивительном человеке. Владимир Васильевич Потехин родился в сельской местности, работал одновременно зоотехником и агрономом, писал в районную газету стихи и… всё. Из жизни ушёл очень рано, когда ему не было и 60 лет. Словно предчувствуя свой ранний конец, последние годы он активно писал прозу, расшифровывая дневниковые записи, которые вёл с 1955 года, как только пришёл работать молодым специалистом в колхоз. За два года до смерти он решил обратиться к профессиональным литераторам, но книги свет так и не увидели. К счастью, старые пухлые тетради с рукописными текстами бережно сохранили дети крестьянского поэта.

«Владимир Потехин просто жил, жил с великим наслаждением и с великой любовью ко всему сущему. Стихотворчество было для него не самоцелью, а лишь средством зафиксировать, увековечить это счастье, пришпилить его к бумаге как неизбежный и потребный сердцу итог плодотворно прожитого крестьянского дня», – отмечает в предисловии к книге Нина Веселова.

Есть в бытности нашей
Такие «грехи»:
И землю мы пашем,
И пишем стихи.
Не с редьки и кваса,
Не в горький досуг
Впрягли мы Пегаса
Крылатого в плуг…

Вот что писала костромская поэтесса Нина Снегова о сочинениях Владимира Потехина, попавших к ней для рецензии: «Автор наделён слухом, зоркостью зрения и чувством языка. Насквозь ощущается незаимствованное чувство любви и трепетности ко всему живому, что связано с деревней, с землёй. А живое повествование о хорошо знаемом, родном увлекает внимание читателя».

Возможно, стихотворения Потехина покажутся слишком простыми и непритязательными для современного читателя, избалованного, привыкшего к модернистским и постмодернистским изощрениям. Но в них есть главное – искренность, отсутствие моды, огромная любовь к малой Родине, что является истинным патриотизмом.

Не могу не привести здесь полностью стихотворение «Память», которое было написано в 1979 году, а актуально и сегодня, особенно сегодня. Ибо кто-то упорно хочет забыть историю.

Жизнь высекает седину.
Что ж, время обладает цветом.
И вспоминаю я войну –
Бесцветный день далёким летом.
Чем дальше, тем больнее он,
И ранит снова, словно выстрел,
Хоть пел июнь со всех сторон,
А день был солнечный, лучистый.
Немного надобно свинца,
Чтоб сорвалась беды лавина,
Чтоб в миг один убить отца…
И навсегда поранить сына.

Владимир Потехин, как вы догадались, сын погибшего фронтовика. Юного Володю воспитали мать с бабушкой и деревенская улица. Автобиографичны, по сути, все его повести.

Читаешь и будто пьёшь чистую родниковую воду, и остановиться не можешь – не хочется. Его редкий, словно дивный цветок, талант родила сама земля.

«Конец июня. Замолкают птичьи песни в лесу. Только вот эта «сенокосная» птичка, как часы-ходики: тень-тень, тень-тень. Тихо. Только осторожная, неспокойная осина перебирает-покачивает листьями маятниками. Коршун парит над лугом. Почти неподвижные редкие белые облачка на небе. Зацвели травы, тонкие запахи гуляют повсюду… Каждая былинка торопится жить, каждая нужна земле…».

Слышишь живую речь героев, этих бабушек, почти святых, вытянувших страну в Великую Отечественную и построивших космическую державу:

«Да не говори, сестричь, роботают, роботают, а получать нечево. Девки невесты уж, а одить нечево. Своей-то вон из старой своей юбки юбчонку скроила. Одна юбчонка да платьишко выходное. Лешая жись! В войну переживали, сердце в крови, посля войны хуже тово! Вот и поживи. Когда хоть лутше-то будет?».

Или вот другой эпизод, когда после получения похоронки крестьянка идёт на работу:

«Надо на другой же день на ферму идти. Не пошла, потащила ноги и окровавленную душу понесла. Доила коров, глотая тяжёлый комок, который катался и катался в горле, и не было сил его проглотить. Слёзы капали в подойник, в молоко…».

Сегодня я жалею, что подробно не расспросил свою бабушку Евдокию Ивановну, которая совсем юной зимой работала на лесозаготовках, как герои повести Владимира Потехина «Лесорубочки». Бабушка надорвала здоровье в сугробах, ходила с тростью… Такое лёгкое, игривое название, а читаешь и слезами обливаешься, представляя на месте героини родного человека.

В 50-е годы прошлого индустриального века дети в деревнях не видели белого хлеба, но уже трудились. Однако непосильная работа в колхозе, суровый быт остались для автора радостным воспоминанием. Как считает Нина Веселова, объясняется это причастностью к большому и важному общему делу, а не просто житейской необходимостью работать наравне со старшими. Вот почему многие проблемы сегодняшнего дня после чтения книг Потехина кажутся смешными.

Главные герои его произведений – русский мужик и русская баба во всех их ипостасях: пахаря или косаря, пекаря или солдата, наконец – поэта.

В произведениях Потехина с тонкими художественными деталями описан быт крестьян, сельскохозяйственная работа. Отдельные главы повести «Скворцы на берёзах» носят названия «Боронование», «Окучивание», «Молотьба», «Снопы». Многое из этого ручного труда уже безвозвратно ушло. Проза Потехина – своеобразная литературная энциклопедия жизни крестьянина середины XX века, которую можно сравнить с «Ладом» Василия Белова.

«Дед Николай лезет в окошко овина, чтобы там устанавливать снопы для просушки. Делать это нужно не кое-как, а вот так: нижний сноп колосьями вверх, верхний сноп к нему, колосьями вниз. Это называется посад. Дед старается, покряхтывает, я ему подаю снопы – сначала, когда ондрец полный, руками, прямо в окошко, а потом снизу, вилажкой».

В повестях показана трагическая судьба русской деревни, исход людей в города. Потехин предвидел гибель деревни ещё до наступления лихих 90-х.

В прозе ощущается влияние, кроме уже названного Василия Белова, и Фёдора Абрамова, Валентина Распутина, Бориса Можаева, других писателей-«деревенщиков». У Потехина такая же хлёсткая правда: публикацию в советское время этих повестей вряд ли удалось бы пробить неизвестному автору из провинции, или плата была бы слишком большой.

Владимир Потехин был подлинным знатоком деревенской картины мира, народных традиций и языка. В конце каждой книги составители приводят список диалектных и малоупотребительных слов с их толкованием. Этот словарь представляет самостоятельную ценность для филологов и всех, кто любит русский язык. Почему клюкву называли *журавихой*? *Выёсывала*, оказывается, это значит – гордо выхаживала. *Вдругорядь* – в другой раз. Разве не интересно? Читая прозу Потехина, понимаешь, что творец языка – сам народ.

Повести Владимира Потехина оригинальны при всей их близости к «деревенской прозе» конца XX века. Они возрождают интерес к людям земли, а все, кто тянется к земле, – люди будущего. Хочется в это верить, как и в то, что костромскую литературу будет в ближайшем будущем, наряду с другими талантами, олицетворять и Владимир Потехин, так же, как вятскую – Владимир Крупин, архангельскую – Фёдор Абрамов.

Конечно, сегодня мало только издать книгу, надо уметь её продвигать. Благодаря мероприятиям по президентскому гранту и интернету имя Владимира Потехина стало известным не только на нейской земле, а скромные сельские Потехинские чтения на его малой родине грозят перерасти в областные. Анастасия Астафьева перенесла на сцену повесть «Скворцы на берёзах», и его увидят не только сельские Дома культуры. А вот что самое важное: в этой постановке с большим интересом играют подростки, ребята из тех же мест, что сам Владимир Потехин, того же возраста, что герой его произведения.

Однако ещё остались рукописи, которые пока не нашли отражение в книгах. Значит, продолжение следует.